

АЛАН ВАЙСМАН

**ЗЕМЛЯ  
БЕЗ ЛЮДЕЙ**

ALAN WEISMAN

THE WORLD  
WITHOUT US

АЛАН ВАЙСМАН

**ЗЕМЛЯ  
БЕЗ ЛЮДЕЙ**



ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ  
МОСКВА

# Содержание

Вступление. Обезьяний коан. . . . . 11

## ЧАСТЬ I

Глава 1. Древний запах Эдема . . . . . 21  
Глава 2. Разрушая наш дом . . . . . 28  
Глава 3. Город без нас . . . . . 36  
Глава 4. Мир непосредственно до нас . . . . . 63  
Глава 5. Утраченный зверинец . . . . . 83  
Глава 6. Африканский парадокс . . . . . 104

## ЧАСТЬ II

Глава 7. Что распадается. . . . . 141  
Глава 8. Что останется. . . . . 157  
Глава 9. Полимеры вечны. . . . . 170  
Глава 10. Нефтяное пятно . . . . . 194  
Глава 11. Мир без ферм . . . . . 218

## ЧАСТЬ III

Глава 12. Судьба древних и современных чудес света 253  
Глава 13. Мир без войны . . . . . 269  
Глава 14. Крылья без людей. . . . . 280  
Глава 15. Радиоактивное наследство . . . . . 295  
Глава 16. Наша геологическая летопись. . . . . 321  
Глава 17. Куда мы идем?. . . . . 342  
Глава 18. Искусство за нами . . . . . 358  
Глава 19. Морская колыбель. . . . . 373  
Кода. Наша Земля, наши души. . . . . 392  
Благодарности . . . . . 401



Памяти Сони Маргариты.  
С любовью, из мира без тебя



Das Firmament blaut ewig, und die Erde  
Wird Lange fest steh'n und aufbüh'n im Lenz. Du aber,  
Mensch, wie lange lebst den du?

Небесный свод навечно голубой, Земля  
Останется тверда, в цветах весной. А ты, человек, как  
долго проживешь?

*Ли Бо / Ханс Бетге / Густав Малер*  
*«Китайская флейта:*  
*Застольная песня о страданиях Земли».*  
*«Песнь о Земле»*





## Вступление

# Обезьяний коан

**О**днажды июньским утром 2004 года Ана-Мария Санти сидела напротив почты под большим навесом из пальмовых листьев и хмурилась, глядя на то, как собирается ее народ из Мазараки, деревушки на Рио-Конамбу, эквадорском притоке верхней Амазонки. За исключением волос, все еще густых и черных, несмотря на семь десятков прожитых лет, все в Ане-Марии напоминало сухой стручок. Ее серые глаза похожи на две бледные рыбы, заключенные в омуте лица. На наречии кечуа и практически исчезнувшем языке запара она распекала своих племянниц и внучек. Через час после рассвета они, как и все остальные в деревне, за исключением Аны-Марии, были пьяны.

Поводом послужила «минга», амазонский эквивалент «строительства амбара\*». Сорок босоногих индейцев-запара, некоторые с раскрашенными лицами, сидели в тесном кругу скамеек из бревен. Чтобы воодушевить людей на вырубку и выжиг леса для расчистки нового клочка земли под маниоку для брата Аны-Марии, они пили чичу — литрами. Даже дети прихлебывали из керамических чаш, полных молочного кислого пива, изготов-

---

\* Коллективная помощь соседей фермеру в строительстве. —  
*Здесь и далее примеч. пер.*

ливаемого из мякоти маниоки, бродившего на слюне запарских женщин, которые целыми днями жевали ее комки. Две девочки с травой, вплетенной в волосы, шли сквозь толпу, наполняя чаши чичей и подавая тарелки с кашицей из зубатки. Старикам и гостям они предлагали ломти вареного мяса, темные, как шоколад. Но Ана-Мария Санти, старейшая из присутствующих, ни к чему не притронулась.

Несмотря на то что большая часть людей уже унеслась в новое тысячелетие, запара едва вошла в каменный век. Как паукообразные обезьяны, от которых, как они верят, произошли, запара все еще преимущественно живут на деревьях, связывая стволы пальм, поддерживающих крышу, сплетенную из пальмовых листьев, лианами беджуко. Пока не появилась маниока, сердцевина пальм была их основным овощем. Для получения протеинов они ловили сетями рыбу и охотились на тапиров, пекари, лесных перепелов и гокко с помощью дротиков и духовых ружей.

Они по-прежнему охотятся, но дичи теперь осталось мало. Ана-Мария говорит, что, когда ее внуки были малы, лес легко кормил их, несмотря на то что запара являлись тогда одним из самых крупных племен Амазонки, их племя насчитывало около 200 тысяч членов, живших в деревнях вдоль всех соседних рек. А затем что-то где-то случилось, и их мир — и не только их — перестал быть прежним.

А случилось то, что Генри Форд открыл секрет массового производства автомобилей. Спрос на надувные камеры и шины скоро привел к тому, что амбициозные европейцы поплыли вверх по всем проходимым водам Амазонки, присваивая земли с каучуковыми деревьями и захватывая работников, которые собирали бы их смолу. В Эквадоре им помогли индейцы кечуа с нагорий, кре-

щенные испанскими миссионерами, которые были счастливы приковать язычников, мужчин запара из долин, к деревьям, и заставить их работать, пока те не падали. Запарских женщин и девушек, использовавшихся для разведения рабов или в качестве сексуальных рабынь, насиловали до смерти.

К 1920-м годам каучуковые плантации в Юго-Восточной Азии подорвали рынок дикорастущего каучуконоса Южной Америки. Несколько сотен запара, сумевших спрятаться во время каучукового геноцида, продолжали скрываться. Некоторые из них притворялись кечуа, живя среди врагов, захвативших их земли. Другие сбежали в Перу. Эквадорские запара официально считались вымершими. Затем, когда в 1999 году Перу и Эквадор разрешили давний спор о границе, в эквадорских джунглях обнаружили перуанского шамана запара. Он сказал, что пришел наконец-то повидать своих родственников.

Вновь открытые эквадорские запара наделали много шума в мире антропологии. Правительство признало их территориальные права, хоть и на очень небольшую часть земель их предков, а ЮНЕСКО выделило грант на возрождение их культуры и сохранение языка. К тому времени осталось всего четыре члена племени, которые еще говорили на нем, одна из них — Ана-Мария Санти. Лес, который они знали когда-то, практически исчез: от оккупантов-кечуа они научились валить деревья стальными мачете и сжигать пни, чтобы сажать маниоку. После каждого урожая участок должен годами оставаться под паром; высокий полог листьев во всех направлениях сменил вторичный лес из тонких ростков лавра, магнолии и пальмы копа. Маниока стала основным продуктом питания запара, потребляемая целыми днями в форме чичи. Запара дожили до XXI века, но вошли в него навеселе, да так и остались в этом состоянии.

Они все еще охотятся, но люди могут идти днями, так и не встретив тапиров или даже куропатки. Ана-Мария опять оттолкнула предложенную внучками тарелку, на которой лежало шоколадного цвета мясо с крохотной лапкой без большого пальца, свешивающейся за край. Она мотнула узловатым подбородком в сторону отвергнутой вареной обезьяны и спросила: «Если мы опустились до поедания предков, что же будет дальше?»

Вдали от лесов и саванн, давших нам жизнь, мало кто из нас ощущает связь с нашими животными предками. Скорее удивительно, что запара ее чувствуют, при том что отделение людей от других приматов произошло на самом деле на другом континенте. Тем не менее в последнее время мы начали понимать страшный смысл того, что имела в виду Ана-Мария. Даже если мы не дошли до каннибализма, найдем ли мы в себе силы сделать страшный выбор, крадясь по пути в будущее?

Поколение назад человечество избежало ядерного уничтожения; если повезет, мы продолжим увильнуть от этой и других массовых страшилок. Но теперь мы все чаще спрашиваем себя, не отравили ли мы и не перегрели ли ненароком планету, да и самих себя. Мы потребляли воду и почву и злоупотребляли ими так, что и того и другого стало существенно меньше, и растоптали тысячи видов, которые, возможно, уже не восстановить. Наш мир, предупреждают уважаемые голоса, может однажды превратиться в нечто, напоминающее заброшенный участок, где вороны и крысы роются в сорной траве, охотясь друг на друга. Если уж на то пошло, как получилось, что, несмотря на наш хваленый высший разум, мы не попадаем в число способных выжить?

На самом деле мы не знаем. Любое предположение запутывается в нашем упорном нежелании принять самое худшее, что действительно может произойти. Возможно,

нас подводит наш собственный инстинкт самосохранения, тысячелетиями заточивавшийся на отрицание, пренебрежение или игнорирование предвестников катастроф, чтобы они не парализовали нас страхом.

Плохо, если этот инстинкт будет дурачить нас до тех пор, пока не окажется слишком поздно. Хорошо, если он укрепит наше сопротивление перед лицом все новых и новых знамений. Не единожды сумасшедшая, упрямая надежда вдохновляла на творческие ходы, которые спасали человечество от краха. Так что давайте проведем творческий эксперимент: предположим, что случилось худшее. Исчезновение человечества — свершившийся факт. Не из-за ядерной катастрофы, столкновения с астероидом или чего-то еще в достаточной степени разрушительного, чтобы уничтожить практически все остальное тоже, оставив после себя все в принципиально измененном, разрушенном состоянии. И не по мрачному экологическому сценарию, с мучительным угасанием, в которое мы затянем много других видов.

Вместо этого нарисуем мир, из которого мы просто внезапно исчезли. Завтра.

Маловероятно, но в качестве довода возможно. Скажем, какой-нибудь специфичный для *Homo Sapiens* вирус — природный или дьявольским образом полученный с помощью геной инженерии — убивает нас, но оставляет все остальное нетронутым. Или какой-нибудь злой мизантроп-волшебник каким-либо образом поражает те уникальные 3,9% ДНК, которые делают нас людьми, а не шимпанзе, или совершенствует способ стерилизации нашей спермы. Или, скажем, Иисус — о Нем мы еще поговорим — или космические пришельцы уносят нас или к нашей небесной славе, или в какой-нибудь зоопарк на другом конце галактики.